

На правах рукописи

ЯН ЧЖЭН

**«Последний поклон» В. П. Астафьева
(История создания. Жанр. Система персонажей)**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва

2012

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы XX века филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель кандидат филологических наук, доцент
Герасименко Алла Павловна

Официальные оппоненты **Чернец Лилия Валентиновна,**
доктор филологических наук, профессор,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
профессор кафедры теории литературы

Кислицын Константин Николаевич,
кандидат филологических наук,
Московский гуманитарный университет,
старший научный сотрудник Института
фундаментальных и прикладных исследований

Ведущая организация Московский государственный областной университет

Защита состоится 19 апреля 2012 г. в 16:00 на заседании диссертационного совета Д.501.001.32 при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ленинские горы, 1-й учебный корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова (1-й учебный корпус гуманитарных факультетов).

Автореферат разослан « ____ » _____ 2012 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор филологических наук, профессор

Голубков Михаил Михайлович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Виктор Петрович Астафьев (1924–2001) – из числа тех писателей, которые еще при жизни вошли в плеяду классиков русской литературы второй половины XX века. Современную русскую словесность уже нельзя представить без его книг «Последний поклон», «Царь-рыба», «Ода русскому огороду», «Пастух и пастушка»... «Могучий он был человек – и духа могучего и таланта. <...> А я многому у Астафьева учился»¹, – говорил В. Распутин в 2004 году на встрече с красноярскими студентами. В 2009 году посмертно В. Астафьеву присуждена литературная премия Александра Солженицына. В своем решении жюри отмечало: премия вручается «писателю мирового масштаба, бесстрашному солдату литературы, искавшему свет и добро в изувеченных судьбах природы и человека»².

Неудивительно, что сегодня в России В. Астафьев – один из самых изучаемых современных писателей. Центр изучения творчества писателя в последние годы сместился на его родину, в Красноярск. В работе центра участвуют сразу сотрудники нескольких подразделений культуры:

- 1) Научно-исследовательский центр В.П. Астафьева (на базе Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева);
- 2) Сотрудники Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края;
- 3) Сотрудники библиотеки-музея п. Овсянка³.

В 2009 году этот коллектив к 85-летию со дня рождения Астафьева издал новейший и в настоящее время самый полный биобиблиографический указатель «Дар слова: Виктор Петрович Астафьев. Биобиблиогр. указ.: Статьи» (Иркутск, 2009), где зафиксированы написанные до 2007 года 53 диссертации (из них 5 докторских, 48 кандидатских), в которых изучаются с разной степенью полноты те или иные произведения Астафьева или отдельные аспекты его творчества. В большинстве диссертаций рассматриваются разные проблемы русской литературы второй половины XX века на материале творчества 2-3 писателей (в их числе – В. Астафьев). Собственно Астафьеву посвящены 19 диссертаций, из них непосредственно «Последнему поклону» – лишь одна лингвистическая работа. По данным электронного каталога Российской государственной библиотеки в последние годы появились еще 6 диссертаций, среди которых специально посвященных «Последнему поклону» работ нет.

В 2005 году в Красноярске проведена I международная научная конференция «Феномен В.П. Астафьева в общественно-культурной и литературной жизни конца XX века». Раз в два года в Овсянке проводились «литературные встречи в русской провинции».

¹ *Рак Любовь*. Валентин Распутин: «Я отчаялся» // Труд. – 29 июля 2004.

² *Кириллов А.* Премией Солженицына наградили Астафьева // Литературная Россия. – 06 марта 2009.

³ Деревня, где родился В.П. Астафьев; теперь это поселок.

Главный хранитель фондов библиотеки-музея п. Овсянка В. Г. Швецова создала по сути мини-летопись жизни и творчества В. Астафьева («Река жизни Виктора Астафьева» (по страницам публикаций). Красноярск, 2010. – 528 с.).

Много сделал для активизации научной работы по изучению творчества В. Астафьева покойный иркутский издатель Г. Сапронов, обнаруживший переписку В.П. Астафьева и кроме того лично составивший уникальную книгу его писем – «Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952–2001» (сост., предисл. Г. Сапронова. – 2-е изд., доп. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. – 752 с.). В настоящее время она заменяет пока не созданную научную биографию писателя.

Сегодня есть все основания говорить, что существует в российском литературоведении раздел – **Астафьевение**, понятие, которое уже бытует в научной среде¹.

Но при всем глобальном интересе к Астафьеву сегодня чувствуется перекося в сторону обобщающей проблематики, недостаточное внимание к глубинной проработке астафьевских текстов, даже самых главных, «ключевых» художественных явлений таких, как «Последний поклон» и «Прокляты и убиты».

Главная и самая «заветная» книга В.П. Астафьева «Последний поклон» создавалась писателем в течение 34 лет (1957–1991). Окончательно она сложилась в трех книгах, состоящих из 32 рассказов, и имеет авторское жанровое определение – «повесть в рассказах», последние, по словам самого автора, писались «вразброс», когда он еще не знал, что они – часть продолжающейся в нем книги². Данная диссертация посвящена изучению истории создания, жанра и системы персонажей этого произведения.

Актуальность диссертации определяется:

- 1) прежде всего тем, что В. Астафьев, будучи одним из крупнейших русских писателей второй половины XX века и в то же время самобытным явлением современной русской литературы, представляет огромный интерес для науки; его произведения не только читают и изучают профессиональные критики и литературоведы, но они включены в учебную программу школьников как классические, причем, не только в России, но и в Китае.
- 2) тем, что избранные нами аспекты исследования «Последнего поклона» (история создания, жанр, система персонажей) всесторонне не рассматривались учеными России и Китая. «Последний поклон» до сих пор не переведен на китайский язык, за исключением двух составляющих его рассказов («Последний поклон» и «Пир после победы»).

Объектом рассмотрения послужили разные издания «Последнего поклона» В. Астафьева, включая «Страницы детства» из сборника «Весенний Остров» (Пермь, 1964), «Последний поклон» (Пермь, 1968; М., 1978; М., 1989; Красноярск, 1994;

¹ Шленская Г.М. Некоторые проблемы изучения феномена Виктора Астафьева // Феномен В.П. Астафьева в общественно-культурной и литературной жизни конца XX века: сб. материалов I международной научной конференции, посвященной творчеству В.П. Астафьева. – Красноярск, 2005. – С. 29–43.

² Астафьев В. Последний поклон: новые главы. От автора // Наш современник. – 1974. – №5. – С. 16.

Красноярск, 1997; М., 2010), отдельные рассказы, опубликованные в российской периодике и позже вошедшие в «Последний поклон».

Цель и научная новизна настоящей диссертации состоит:

- 1) в изучении истории создания «Последнего поклона», становления, «кристаллизации» его жанра на протяжении 34-х лет (1957–1991);
- 2) в теоретическом обосновании правомерности авторского жанрового определения (повесть в рассказах), в раскрытии особенностей содержания образовавшейся новой жанровой модификации (романическая повесть в рассказах);
- 3) в исследовании системы персонажей многогеройной (около 150 человек) повести, с целью проникновения в сущность разнообразных межперсонажных связей, трехуровневой персонажной структуры, которая цементирует бессюжетную художественную ткань «Последнего поклона».

Методологической основой диссертации является соединение историко-литературного и теоретико-литературного подходов с системным анализом. При исследовании жанровой природы «Последнего поклона» В.П. Астафьева принципиальным методологическим ориентиром явилась модель литературного жанра, предложенная М.М. Бахтиным. В процессе анализа использованы работы отечественных ученых: М.Л. Гаспарова, В.Е. Хализева, Л.В. Чернец, Н.А. Николиной, В.М. Головки.

Практическая значимость работы состоит в том, что данное исследование призвано облегчить понимание произведения русского писателя в китайской аудитории. Оно также может содействовать работе переводчиков и быть использовано в учебной работе преподавателей вузов и школьных учителей России и Китая. Самостоятельную практическую значимость имеют приложения к диссертации.

Апробация работы. Научные положения и результаты работы отражены в публикациях автора, а также апробированы на IV Международном конгрессе исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, 20–23 марта 2010 года) в выступлении на тему: «Язык как средство изображения человека в «Последнем поклоне» (Книга 1) В.П. Астафьева» и на V Международной научно-практической конференции «Текст: Проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного» (Москва, 24–26 ноября 2011 года) в тезисах на тему: «Восприятие и интерпретация повести в рассказах «Последний поклон» В.П. Астафьева в аудитории китайских студентов».

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии и двух приложений (I. Сведения в периодике о первых публикациях рассказов, составляющих «Последний поклон»; II. Восприятие творчества В.П. Астафьева в Китае).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** дается общая характеристика творчества В.П. Астафьева. Рассматриваются два варианта периодизации его творчества, существующие в науке. Определяется место повести в рассказах «Последний поклон» в художественном мире писателя; выясняется степень его изученности как итог обзора литературы. Анализируются книги, некоторые статьи и диссертации, посвященные творчеству В.П. Астафьева. Обосновывается целесообразность темы диссертации.

Глава 1. История создания и жанр «Последнего поклона» В. П. Астафьева

§1. Поиски жанра

История создания книги «Последний поклон» – это история поиска В. Астафьевым жанра, наиболее точно отвечающего его творческому замыслу, который созрел далеко не сразу. Все началось с его командировки от журнала «Смена» на Красноярскую ГЭС в 1957 году. Именно из этой поездки писатель, по словам Ю. Ростовцева, «вывез творческое негодование, которое обратилось в яркое, самобытное и лирическое слово о его деревенском детстве»¹. Эту дату (1957 г.) сам писатель потом неоднократно проставлял на последней странице «Последнего поклона» в разных изданиях как время начала создания книги, а впечатления, полученные непосредственно от этой поездки, подтолкнули его к творчеству. В. Астафьева возмутило, с какой безответственностью и хвастливо люди, владеющие пером, рассказывали о Сибири и ее стройках, «будто до них тут никого не было, никто не жил, а если жил, то никакого внимания не заслуживал»². Писатель осознал необходимость рассказать о своих земляках, в первую очередь о своих односельчанах, о бабушке и дедушке и прочей родне, которые на много десятилетий ранее успешно осваивали и обихаживали Сибирь.

С 1960 года на страницах периодической печати и в сборниках стали появляться рассказы писателя о детстве: «Зорькина песня» (1960), «Гуси в полынье» (1960), «По сено» (1963), «Конь с розовой гривой» (1963), «Далекая и близкая сказка» (1964) «Деревья растут для всех» (1964) и др. Позднее эти рассказы вошли в «Последний поклон», правда, в иной очередности, а некоторые с измененным названием (например, рассказ «По сено» переименован потом в «Запах сена»). «С появлением рассказов «Конь с розовой гривой» и «Монах в новых штанах» (1966) я понял, – вспоминал писатель, – что из всего этого может получиться книга».³ И она получилась. В 1968 году в Перми вышла книга под названием «Последний поклон». «Я долго искал это название, – рассказывал В. Астафьев, – а оно уже было в книге – так называлась одна из глав. И однажды мой товарищ ткнул пальцем в это название»⁴.

Первое издание «Последнего поклона» (1968) составляют 15 рассказов, напечатанные в периодике в разные годы. Данное издание еще сильно отличается от итогового трехкнижья, канонического варианта, включенного в 15-томное собрание

¹ Ростовцев Ю. Виктор Астафьев. – М., 2009. – С. 23.

² Астафьев В. Посох памяти. – М., 1980. – С. 222.

³ Астафьев В. П. Последний поклон: повесть в рассказах. Комментарии (авторские). – М., 2010. – С. 793.

⁴ Там же.

сочинений (Красноярск, 1997–1998) В.П. Астафьева, хотя бы тем, что здесь всего 15 рассказов, а там 32. Данное издание автор датирует 1957–1967 годами.

Жанр «Последнего поклона» (1968) писатель определял как повесть, еще не осознавая всей ответственности подобного жанрового определения. Для того, чтобы сборник рассказов превратился в повесть, в нем должно произойти осмысленное соединение частей в целое, то есть должна существовать композиция, серьезная внутренняя взаимосвязь элементов. В первой книге «Последнего поклона» есть лишь отдельные скрепы, призванные связать текст. Это два сквозных главных героя – бабушка по линии матери Катерина Петровна Потылицына и ее внук Витя Потылицын, будущий писатель Виктор Петрович Астафьев (фамилия отца). Удачно найдено начало повествования, роль которого выполняет рассказ «Далекая и близкая сказка» с подзаголовком «вместо вступления». Он так и будет стоять во главе текста от начала до конца становления жанра «Последнего поклона». В первом сборнике есть также топонимические связи – это кочующие из рассказа в рассказ географические названия реально существующих примет местности, деревни Овсянка, в которой происходит действие. Это скала Караульный бык; Енисей, малые впадающие в него реки: Караулка и Фокинская речка, пересекающая деревню пополам; другие речки приенисейской деревушки: Майская, Мана, Малая и большая Слизневка. Эти топонимы, повторяясь, образуют тонкую мотивную структуру, которая лишь в малой степени связывает рассказы, своеобразные картины деревенской жизни. А рассказы «Где-то гремит война» (1966), в котором речь идет об учебе семнадцатилетнего Виктора в ФЗО в 1941 г. (начало войны) и «Последний поклон» (1967) о послевоенном времени едва ли не выпадают из структуры, так как пропущен очень важный период в жизни Вити после того, как он вынужден был расстаться с деревней и бабушкой.

Первое издание «Последнего поклона» является лишь подступом к решению серьезной художественной задачи – создания книги о судьбах русского крестьянства (Крестьянской Вселенной) в XX веке. Перед нами пока не повесть, а лишь удачный фрагмент большого замысла – цикл рассказов писателя о детстве плюс два рассказа, по смыслу выпадающих из структуры. Перечисленные выше скрепы (два главных сквозных героя, удачно найденное начало, кочующие топонимы как средство мотивных связей) достаточны лишь для образования цикла рассказов. Для того чтобы рассказы стали повестью, писателю предстоит расширить повествование, решить серьезные композиционные задачи, усилить драматизм повествования, раскрыть конфликты, зреющие внутри Крестьянской Вселенной, определиться с концепциями героев, пристальнее всмотреться в крестьянские судьбы (здесь еще нет рассказов о семье отца, о раскулачивании, о жизни маленького Вити в городе ссыльных – Игарке).

В 1974 году в журнале «Наш современник» (№№5–6) появились 4 «новых» рассказа: «Бурундук на кресте», «Карасиная погибель», «Без приюта» и «Пир после победы». Четыре года спустя, в 1978 году, на страницах того же журнала (№1) были опубликованы еще 4 рассказа: «Гори, гори ясно», «Сорока», «Приворотное зелье» и «Соевые конфеты». И в этом же году, в Москве издательство «Современник»

выпустило «Последний поклон» отдельной книгой, где насчитывалось уже 24 рассказа. Время и место действия в этих рассказах намного расширились. Исходя из описываемых в рассказах событий разного периода жизни главного героя Вити, автор впервые делит «Последний поклон» на 2 книги: в одной – 15, в другой 9 рассказов. Данное издание автор датирует 1957–1977 годами. Причем, очень важно, что первая книга «Последнего поклона» второго издания (1978) не повторяет по составу рассказов «Последнего поклона» первого издания (1968). Два рассказа «Где-то гремит война» и «Последний поклон», которые по своему содержанию не вписывались в цикл рассказов о детстве, каким был по сути «Последний поклон» 1968 года издания, автор переносит во вторую книгу. А на их место в первую книгу ставит новые рассказы о детстве: «Мальчик в белой рубашке» (1971) и «Гори, гори ясно» (1978). Одним словом, автор осуществляет смысловую перестройку текста, собирая в первую книгу рассказы о детстве, а во вторую – об отрочестве и юности героя, его жизни с отцом и его родней, а также дальнейшем выходе в жизнь.

После трагической смерти матери в июле 1931 года, семилетний Витя жил со своими бабушкой Ильей Евграфовичем и бабушкой по материнской линии Катериной Петровной Потылицыной. Именно этот отрезок времени представлен в первой книге новой редакции «Последнего поклона». Здесь действие рассказов в основном происходит в родном селе Овсянка.

Во второй книге «Последнего поклона» (издание 1978 г.), отец Вити возвращается из тюрьмы в Овсянку (1934) и через некоторое время берет сына в свою новую семью на лесучасток Сосновка. Летом 1935 года Витя переезжает вместе с отцом и мачехой в город Игарку. Рассказом «Бурундук на кресте», где действие переносится из Овсянки в Игарку, открывается вторая книга новой редакции «Последнего поклона». Повествование здесь идет о дальнейшей жизни Вити в Игарке, о его военной и послевоенной жизни. Действие рассказов во второй книге выходит за пределы села Овсянка. В этом издании автор снял с первого рассказа подзаголовок «вместо вступления», видимо, осознав, что этот рассказ вполне справляется с функцией вступления, а искать на эту роль иной рассказ нет необходимости. Повесть завершается рассказом «Последний поклон» (1967), который не только дает название целой повести, но и выражает явное авторское намерение увековечить бабушку и символизировать ее образ.

«Последний поклон» автор именуется по-прежнему – «повестью». Он уделял большое внимание тем компонентам текста повести, которые связывают рассказы воедино и приближают их к повести. Во-первых, усилена в двухкнижном «Последнем поклоне» связующая роль главных героев – бабушки Катерины Петровны и ее внука Виктора Потылицына, которые уже показаны в развитии. К примеру, Катерина Петровна в этом издании является действующим лицом в 18 рассказах из 24. Оба героя становятся по сути сквозными, значительно усложненными героями единого уже увеличенного текста. Все рассказы первой книги «Последнего поклона», издания 1978 г., сюжетно привязаны к деревне Овсянка, но само название родной деревни В.

Астафьева «Овсянка» появляется здесь не сразу (впервые косвенно в четвертом рассказе «Гуси в полынье»: «Вот им-то предприятием не продается, а отпускается продукция *Овсянского* из-го з-да»). А в тринадцатом рассказе «Фотография, на которой меня нет», название деревни звучит явно: « <...> а вот фамилии учителя с учительницей никто в *Овсянке* вспомнить не может»). Бабушка в первой книге – на первом плане.

Во второй книге этого издания в центре повествования оказывается уже не бабушка, а автобиографический герой Витя Потылицын: здесь характер его не только раскрывается в развитии, но и в значительной степени усложняется. Композиционным стержнем второй книги «Последнего поклона» становится драматический жизненный путь главного героя Вити Потылицына, его «хождение по мукам» (бродяжничество, детский дом, взросление, становление, испытание войной).

Издание 1978 года занимает значительное место в творчестве писателя, потому что оно свидетельствует о наступлении зрелого периода астафьевского творчества. Многие критики уже тогда называли «Последний поклон» лучшей книгой писателя. С 1979 до 1989 года «Последний поклон» в двух книгах с жанровым определением «повесть» переиздавался неоднократно, а сам его текст уже обретал реальные черты повести.

В 1980 году В. Астафьев возвратился на родину, поселился в Красноярске и одновременно в родной деревне Овсянка обзавелся избой. Здесь 50 лет назад в семье бабушки прошла самая лучшая пора его жизни – детство. «Моя заветная книга снова “зашевелилась” во мне», – вспоминал писатель, – «я заметил в ней неточности, неизбежные оттого, что писалась она вдали от “натуры”, ощутил пропуски в книге и какие-то упущения памяти, а главное – позывы “рожать”». ¹ И рождаются новые рассказы, вносятся дополнения и поправки в ранее написанные рассказы. Находясь в Красноярске, в родной деревне Овсянка, живя рядом с родственниками и односельчанами, которые были еще живы, писатель сумел уточнить некоторые детали прошлой жизни и поправить недочеты и ошибки в своей книге.

В 1989 году изд-во «Молодая гвардия» выпустило двухтомник «Последнего поклона» уже в трех книгах. Добавились новые рассказы (их общее количество увеличилось до 30). Двухкнижная структура развивалась в трехкнижную (12, 9, 9 рассказов соответственно в каждой книге). Новая трехкнижная структура позднее станет окончательной и в каноническом варианте. Автор отказывается от прежней структуры и создает новую, где рассказы «Гори, гори ясно», «Ночь темная-темная», «Дядя Филлип – судовой механик» перенесены во вторую книгу двухтомника, а рассказы «Сорока», «Где-то гремит война», «Приворотное зелье», «Соевые конфеты», «Пир после Победы», «Последний поклон» включены в третью книгу двухтомника. Видимо, помимо временно-пространственных принципов структурирования автор учитывает и пафос произведения. В каждой из трех книг двухтомника царит разный пафос. В первой книге преобладает светлый, радостный пафос. Во второй книге происходит процесс дегармонизации. Идеальные отношения человека с человеком,

¹ Астафьев В. П. Последний поклон: повесть в рассказах. Комментарии (авторские). – М., 2010. – С. 795.

человека с природой постепенно разрушаются. Возникают ожесточенные конфликты, между людьми происходит столкновение личных, семейных судеб с судьбой советского государства. Кончилось у Вити короткое счастливое детство и началась тяжелая, скитальческая и детдомовская жизнь. В третьей книге прослеживается большой и трудный жизненный путь Вити Потылицына в период войны и послевоенное время, показано взросление главного героя и укрепление его характера. В повествовании усиливается общечеловеческое и философское начало. Взрослый герой стал серьезно осмысливать жизнь и судьбу человека, общества. Сохраняется жанровое определение – «повесть».

Но с изданием трехкнижного «Последнего поклона» в 1989 г. авторский замысел не был завершен: «<...> одолел я и третью часть книги, хотя чувствую и заранее знаю, что работа не завершена и хватит ее мне на всю жизнь. И последнюю точку в моей заветной книге ставить придется уже не мне, а тому и тем, кто последует за мною»¹.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов В. Астафьев был занят давно задуманным романом о войне. И это ускорило работу по завершению «Последнего поклона». Подводя итоги многолетнему труду, он написал в 1991 г. сразу два заключительных рассказа «Забубенная головушка» и «Вечерние раздумья», которые были напечатаны во втором и третьем номерах журнала «Новый мир» за 1992 год. В этом же году вышел третий том незавершенного собрания сочинений в 6 томах (издательство «Молодая гвардия»), в который включены первая и вторая книга «Последнего поклона». А четвертый том, в котором должна была печататься третья книга, по какой-то причине не увидел свет. Зато в этом томе представлены авторские примечания к данному изданию. Здесь автор заменил прежнее жанровое определение «повесть» «повестью в рассказах», ощутив преимущества нового жанра: «Свободная форма книги, состоящей из глав-рассказов или коротких повестей, дает возможность пополнять книгу “на ходу”, раздвигая “ограду” книги, вставляя главы в любое место и печатать их отдельно в отдельных изданиях»².

В 1994 году в Красноярске вышла двухтомная повесть «Последний поклон», где он вновь отказывается от деления рассказов на книги. Все рассказы стоят один за другим в том порядке, как в издании 1989 года. Зато это было первое издание в полном объеме. В нем содержатся все 32 рассказа (20 и 12 соответственно в каждом томе), включая заключительные два рассказа. Данное издание автор датирует 1957–1991 годами. Его выход был радостным событием и для самого автора. В предисловии к данному изданию он пишет: «И вот впервые моя самая “толстая” и самая заветная книга издается полностью, уходит “мое дите” под названием “Последний поклон” в люди, уплывает мой давний корабль в людское море»³. Автор вновь вернулся к жанровому определению «повести». Можно предположить, что структуру книги в этом случае определяло издательство, а не автор, занятый работой над романом «Прокляты и убиты».

¹ Астафьев В.П. Последний поклон. От автора. – М., 1989. – С. 9.

² Астафьев В.П. Собрание сочинений: В 6 т. – Т.3. – М., 1992. – С. 462.

³ Астафьев В.П. Последний поклон. Повесть в 2-х т. – Т.1. – Красноярск, 1994. – С. 5.

В 1997–1998 году в Красноярске вышло собрание сочинений В. П. Астафьева в 15 томах, отредактированное и откомментированное самим автором. «Последний поклон» занимает 4-й и 5-й тома. Данный вариант считается каноническим. Окончательно сложилась следующая трехкнижная структура: в первой книге – 12, во второй – 9, в третьей – 11 рассказов. Автор восстановил прежнюю (1989) трехкнижную структуру и включил два заключительных рассказа в третью книгу. Здесь дано окончательное жанровое определение «Последнего поклона»: повесть в рассказах. Только теперь можно утверждать, что В. Астафьев по-настоящему завершил свою самую любимую и «заветную» книгу.

§2. Теоретические аспекты жанра повести

В критике жанр «Последнего поклона» воспринимался по-разному (роман, обширное повествование, новеллистический цикл и др.). При этом возникает вопрос, как соотносятся с научными представлениями о повести интуитивные жанровые определения критиков и астафьевское «повесть в рассказах», найденное писателем в ходе кристаллизации художественного замысла. Вопрос, конечно, непростой, так как «повесть до сих пор остается наименее изученным, а потому наиболее дискуссионным жанром эпической прозы»¹. Это в значительной степени объясняется тем, что, занимая срединное положение между романом и рассказом, повесть «как бы растворяет свои приметы в их художественных структурах»². Действительно, границы между повестью и рассказом, повестью и романом очень подвижны, что позволяет некоторым исследователям утверждать, будто повесть вообще не имеет отличительных жанровых признаков: «повесть <...> не имеет своего собственного жанрового центра и представляет собой нечто среднее между романом и эпопеей»³.

Но тем не менее в русской литературе и в XVIII, и в XIX, и в XX веках повесть не только существует, но и плодотворно развивается, а в некоторые, преимущественно переломные периоды социальной жизни, например в 1880-е годы, 1950–1960-е годы теснит крупные жанровые формы, заметно выдвигаясь вперед.

В ряду многих работ, посвященных анализу истории и теории повести убедительностью и аргументированностью отличается новейшее исследование, рекомендованное учебно-методическим объединением по классическому университетскому образованию для студентов высших учебных заведений в качестве учебного пособия – «Историческая поэтика русской классической повести» В.М. Головки, опубликованная в издательстве «Флинта» [«Наука»] в 2010 году. Здесь обобщены, оценены и приведены к целесообразному единству разноречивые мнения практически всех известных специалистов по истории и теории повести. Методологической основой учебного пособия служат следующие положения теории жанра, разработанные М.М. Бахтиным:

1. «Каждый жанр способен овладеть лишь определенными сторонами действительности, ему принадлежат определенные принципы отбора,

¹ Головки В.М. Историческая поэтика русской классической повести: Учеб. пособие. – М., 2010. – С. 11.

² Утехин Н.П. Жанры эпической формы. – Л., 1982. – С. 21.

³ Кузьмичев И.К. Герой и народ. – М., 1973. – С. 120.

определенные формы видения и понимания этой действительности, определенные степени широты охвата и глубины произведений»¹.

2. «Жанр возрождается и обновляется на каждом новом этапе развития литературы и в каждом индивидуальном произведении данного жанра»²: «жанровая действительность произведения»³ – это воплощение «архаики» и «нового» в содержательно-формальной целостности.
3. «Понять определенные стороны действительности можно только в связи с определенными способами выражения», а сами способы «применимы лишь к определенным сторонам действительности»⁴.

По Бахтину, сущностное качество жанра определяет не количественный объем текста, а специфика и объем самого содержания. Внутри каждого жанра существует «канон», «костяк», неизменная сущность. Это «архаика» жанра, своеобразная культурная традиция, память жанра, которая и обеспечивает ему долгую жизнь. Это проблематика жанра, его «концепция человека», которые и обуславливают устойчивый тип жанровых структур. Но в содержании жанра есть не только «вечное», но и то, что продиктовано временем – динамическое, изменяющееся начало.

Опираясь на серьезный теоретический фундамент, В.М. Головкин попытался определить жанровые признаки повести («Повесть как жанр эпической прозы» – глава II в названной книге). В ходе своих размышлений он цитирует В.Г. Белинского и Н.В. Гоголя, которые пытались понять, определенным образом очертить объем содержания, заключенный в жанре повести. В статье «О русской повести и повестях Гоголя» Белинский писал, что в произведениях этого жанра даны события, «которых... не хватило бы на драму, не стало бы на роман, но которые глубоки, которые в одном мгновении сосредоточивают столько жизни, сколько не изжить ее и в веках»; повесть «дробит жизнь по мелочи и вырывает листки из великой книги... жизни»⁵. Н.В. Гоголь отмечал, что «повесть избирает своим предметом случаи, действительно бывшие или могущие случиться со всяким человеком...»⁶, «происшествия» в отдельных картинах, отдаленных во времени.

Русские критики и писатели постепенно приближались, правда метафорически, к определению объема содержания повести, которые в XXI веке были даны в книгах В.М. Головкина. Вот основные положения теории повести в книге В.М. Головкина:

- 1) «Необходимо решительно отказаться от представлений о “служебной” роли повести как “предшественницы” романа, о том, что, будучи логической ступенью в развитии эстетического сознания эпохи, она лишь готовит почву для новых форм романного “синтеза”»⁷.

¹ [Бахтин М.М.] Медведев П.Н. Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику. – Л., 1928. – С. 178.

² Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1963. – С. 142.

³ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986. – С. 351.

⁴ [Бахтин М.М.] Медведев П.Н. Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику. – Л., 1928. – С. 182, 180.

⁵ Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 9 т. – Т. 1. – М., 1976. – С. 150.

⁶ Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 7 т. – Т. 6. – М., 1979. – С. 397–398.

⁷ Головкин В.М. Историческая поэтика русской классической повести: Учеб. пособие. – М., 2010. – С. 78.

- 2) Предметом романа является «“неготовая современность”, незавершенная, находящаяся в процессе становления; предметом же повести, как правило, недавнее прошлое <...> “Абсолютное прошлое” художественного мира повести внутренне связано с “современностью”, но жизненные явления и характеры показаны в ней как завершенные, а тенденции действительности как проявившие свою суть в “состоявшихся” событиях»¹.
- 3) Целостное изображение человека в повести имеет свои особенности, связанные с воспроизведением действительности «в отдельных проявлениях», но «во всей полноте»². «<...> человек в эпосе завершен и закончен на высоком героическом уровне, в романе он принципиально не завершен, не адекватен своей судьбе; <...> Человек в повести в принципе завершен, но не на героическом, а на обыденном уровне повседневности»³, на уровне «микросреды», где преобладают нравственные конфликты, а «микроотношения являются непосредственно-психологическими»⁴.
- 4) «Жанровая “память” романа предполагает системное, многоаспектное, целостное изображение общественного бытия и отношения к нему конкретного человека»⁵, когда человек раскрывается в условиях «макросреды» и «микросреды», в системе социальных, исторических, бытовых, политических, семейных, личных отношениях. В то время как «о проявлении тех или иных закономерностей общественной жизни в повестях чаще всего рассказывается, но возможности их сюжетного воплощения достаточно ограничены»⁶.

В книге «Последний поклон» В. Астафьева обнаруживаются все названные В.М. Головки отличительные признаки повести. Она написана о прошлом (1930–1940-е гг.) сибирской деревни Овсянка и ее людях, судьбы которых завершены, и которые действуют в «микросреде», преимущественно в системе семейных, бытовых, личных отношений.

Таким образом, правильному определению жанра «Последнего поклона» Астафьева привела писательская интуиция, талант⁷. Не поэтому ли и жанр «Царь-рыбы», которая создавалась параллельно с некоторыми «новыми» рассказами «Последнего поклона» и композиционно оказалась весьма сходной с «Последним поклоном», он не назвал «повестью в рассказах», а нашел ей другое название. В «Царь-рыбе» не сформирована до конца та основная часть содержания повести, которая называется архаикой жанра.

Рассказ и крупные прозаические формы, созданные на основе рассказов – самые любимые жанры писателя. Наверно, именно поэтому жанровые определения таких произведений, как «Царь-рыба» и «Последний поклон», форму которых составляют

¹ Головки В.М. Историческая поэтика русской классической повести. – С. 75.

² Там же. – С. 83

³ Там же. – С. 76

⁴ Там же. – С. 89.

⁵ Там же. – С. 81.

⁶ Там же. – С. 88.

⁷ Астафьев сам признавался, что он «не силен в теории». См.: О любимом жанре // Астафьев В.П. Посох памяти. – М., 1980. – С.51.

многочисленные, связанные друг с другом рассказы, для него были очень важны. Для книги «Царь-рыба» Астафьев нашел особое жанровое определение – повествование в рассказах. Об оригинальности этого жанра и о причине своего выбора он пишет: «“Царь-рыба” не повесть в старом смысле, но и не цикл рассказов. Это именно повествование в рассказах, иначе не скажешь, то есть такая вещь эпического характера, вобравшая в себе много материала. Рассказы органически взаимно связаны друг с другом характером отбора и целью. Одна большая глава, например, композиционно законченная сама по себе, может быть названа повестью в повествовании. И тем не менее мне кажется, что повествование нигде не рвется. И то, что я хочу сказать, и место действия и даже наличие главного героя, каким является Аким, придают, на мой взгляд, произведению цельность»¹. Для писателя очень важны авторские отступления, где он имеет возможность выразить свои собственные мысли и чувства. По этому поводу однажды он сказал: «Друзья подбивали меня назвать “Царь-рыбу” романом. Но я отказался от этого определения. Боюсь этого слова – “роман”, ко многому оно обязывает. Но главное, если бы я писал роман, я бы писал по-другому. Возможно, композиционно книга была бы стройнее, но мне пришлось бы отказаться от самого дорогого, от того, что принято называть публицистичностью, от свободных отступлений, которые в такой форме повествования вроде бы “не выглядят отступлениями”»².

В «Царь-рыбе» отсутствуют сквозные персонажи такие, как бабушка Катерина Петровна и внук Витя в «Последнем поклоне», хотя Аким и действует в нескольких рассказах. Подобную связующую функцию, которая в какой-то степени обеспечивает целостность произведения, в «Царь-рыбе» выполняет в большей мере, чем Аким, образ повествователя, хотя постоянные размышления его часто и приостанавливают сюжетный ход. Позднее, уже в середине 1980-х годов, писатель сам был недоволен «Царь-рыбой», говорил о ней: «неровная книга», «плохо организована, нет целостности», ибо в ней «замысла единого не было»³. Другое дело с «Последним поклоном», в котором доминирует эпическое начало и объективность изображения мира. Здесь дана гораздо более широкая социальная картина крестьянской жизни в целом, Крестьянской Вселенной во всем ее многообразии. Субъективное, авторское начало, хотя и присутствует, но оно зачастую вплетено в эпическую судьбу главного героя Вити Потылицына. Автор в «Последнем поклоне» чаще не повествует, а изображает, живописует.

Автобиографический, состоящий из трех книг «Последний поклон» В. Астафьева, хотя и тяготеет к трехчастным произведениям Л. Н. Толстого («Детство», «Отрочество», «Юность»), М. Горького («Детство», «В людях», «Мои университеты») и находится в русле этой классической традиции, тем не менее существенно развивает эту традицию не только тем, что обращен к крестьянскому сословию, но и потому, что

¹ Астафьев В.П. Работая над «Царь-рыбой» // Литературная газета. – 24 марта 1976.

² Астафьев В.П. Выступление в дискуссии // Литературное обозрение. – 1976. – №10. – С. 57.

³ Ростовцев Ю. Страницы из жизни Виктора Астафьева. – М., 2007. – С. 128.

автор избирает иную жанровую форму – повесть в рассказах – наиболее адекватную его художественному миру.

Конечно, в астафьевской автобиографической повести в рассказах «Последний поклон» слишком большое количество действующих лиц (около 150), не свойственное привычной повести. Но Астафьеву удастся, не соскользнув в очерк, остаться в рамках нетрадиционной, новаторской повести благодаря тому, что она, хотя и состоит из рассказов, тем не менее – вещь эпически насыщенная, когда на втором плане одновременно с развитием драматических судеб двух главных героев (бабушка и внук), существует меняющийся образ многоликой Крестьянской Вселенной, крестьянского мира в целом.

Посвятив свою книгу анализу русской классической повести, В.М. Головкин, размышляя о разновидностях повести, использует в своих доказательствах и современные произведения¹: «Последний поклон» В. Астафьева, «Стоянка человека» Ф. Искандера, «У ног лежащих женщин» Г. Щербаковой. Автор не ставит своей задачей всестороннее изучение различных классификаций повести, но намечает некоторые разновидности жанровых форм повести, типологические жанровые ряды. Например, дифференцируемые по жанровой доминанте в содержании (повести социальные, социально-бытовые, социально-психологические, философские, лирические, хроникальные); или ряды, выделяемые по доминантным законам жанровых взаимодействий (романические повести, повести-очерки, драматизированные повести, повести циклы, повести в рассказах, оригинальные образования интегративного типа, имеющие индивидуальные авторские жанровые обозначения). Последняя разновидность очень точно характеризует структурные жанровые особенности «Царь-рыбы», получившей индивидуальное авторское жанровое название «повествование в рассказах». Что же касается «Последнего поклона», то наиболее точным его жанровым обозначением будет – романическая повесть в рассказах, поскольку это оригинальное с точки зрения жанра – ярко выраженное новообразование, рожденное на стыке романа и рассказа, но не ставшее романом и не способное таковым стать, потому что несет в себе яркие типологические признаки повести (ее архаику). Романическая повесть в рассказах «Последний поклон», имеющая некоторые признаки романа (многогеройность, трехкнижная структура, изображение главных героев в развитии и др.) и рассказа (структура) «не может перерасти в роман: для этого она должна не быть повестью, произведение изначально должно жить по другим эстетическим законам»².

Но вышеназванными особенностями не исчерпывается многогранное жанровое содержание «Последнего поклона», который с первых изданий рассматривался в критике и литературоведении как автобиографическое произведение писателя о собственном детстве, то есть эта книга встраивалась и в типологический ряд автобиографической прозы.

¹ См.: Головкин В.М. Историческая поэтика русской классической повести. – М., 2010. – С. 83.

² Там же. – С. 92.

Специалист по автобиографической литературе Н.А. Николина, изучая историю русской автобиографической прозы XVIII–XIX вв., вычленяет следующую композиционную схему этой литературы, по ее мнению, носящую в этот период устойчивый характер, но в какой-то степени модифицирующуюся в XX и XXI веках:

- 1) вступление (или введение), определяющее авторские интенции и содержащее обращение к читателю;
- 2) рассказ о своем роде, «портреты» родителей;
- 3) краткая информация о годах младенчества и ученичества;
- 4) развернутое повествование о военной или гражданской деятельности с включением отдельных, наиболее ярких «сцен»;
- 5) обращение к читателям в открытом финале.¹

Структура «Последнего поклона» убедительно доказывает правоту исследовательницы, так как здесь присутствуют 4 из названных 5 компонентов, за исключением первого. Перераспределены объемы содержания между 3 и 4 элементом, так как главными в повести о детстве и отрочестве становятся именно «детские» главы-рассказы, а войне отведена меньшая роль. В «Последнем поклоне», как и в автобиографической прозе в целом, закреплено в качестве доминирующего повествование от первого лица с постепенным усложнением образа повествователя в силу того, что повествование здесь имеет два плана: «план повествования в прошлом и его план в настоящем»², о чем подробнее пойдет речь в разделе «Главные герои. Образ “я” в автобиографической повести».

Итоговое жанровое определение «Последнего поклона» – автобиографическая романическая повесть в рассказах.

Глава 2. Персонажная система и ее структура в «Последнем поклоне»

С точки зрения современного литературоведения наиболее крупными единицами словесно-художественного мира прозаического произведения являются «персонажи, составляющие систему, и события, из которых слагаются сюжеты»³. «Как и любая система персонажная сфера произведения характеризуется через составляющие ее элементы (персонажи) и структуру»⁴. Под структурой философы понимают относительно устойчивый способ (закон) связи элементов. В литературоведении сложилась классификация персонажей прозаических произведений, которая включает пять разновидностей образов человека (главные, второстепенные, эпизодические, вводные или упоминаемые и собирательные).

§1. Главные герои. Образ «я» в автобиографической повести

Здесь даются характеристики главных персонажей – бабушки Катерины Петровны Потылицыной и ее внука Вити. Главные (сквозные) герои – это те персонажи, которые проходят через многие рассказы «Последнего поклона» и посредством которых

¹ Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы. Учеб. пособие. – М., 2002. – С. 396.

² Там же. – С. 387.

³ Хализев В.Е. Теория литературы. – М., 2002. – С. 195.

⁴ Чернец Л.В., Исакова И.Н. Персонаж // Введение в литературоведение: Учеб. пособие. / Под ред. Л.В. Чернец. – М., 2004. – С. 203.

раскрывается творческая концепция писателя. Они занимают центральное положение в структуре персонажной системы. Их ценностные ориентации (термин В. Хализева) очень важны для выявления главной идеи «Последнего поклона». Характеры главных героев полнее всего раскрываются в действии, поступках, в общении с окружающими людьми, в диалогах и глубоких авторских характеристиках.

Из 32 рассказов бабушка действует в 24 рассказах, и здесь характер бабушки находит полное освещение. Да и в рассказах, где не действует бабушка («Мальчик в белой рубахе», «Карасиная погибель», «Без приюта», «Сорока», «Соевые конфеты», «Пир после войны», «Кончина» и «Забубенная головушка»), она играет либо второстепенную, либо эпизодическую роль или просто упоминается в тексте («Мальчик в белой рубахе»); и только в «Кончине» ее имени совсем нет. Бабушка изображена в «Последнем поклоне» как характер сложный и яркий. Являясь частью крестьянского мира, она хорошо понимает и соблюдает все законы народной жизни. Хотя ей пришлось жить в сложное время, и судьба ей выпала тяжелая, она, «надсаженная» и «изработанная», не потеряла веру в жизнь и умеет замечать радости в своей простой и нелегкой жизни. Самая большая радость для нее – это семья и труд. В крестьянском мире, изображаемом в «Последнем поклоне» бабушка порой выступает в качестве инициатора и «двигателя» крестьянской жизни. Будучи по природе добрым человеком, она с сочувствием относится ко всему окружающему, бескорыстно помогает людям, не щадя ни сил, ни денег. На личном примере бабушка утверждает нравственные ценности крестьянского мира. Однако автор не идеализирует образ бабушки, она не всегда поступает справедливо, иногда ее «крутой» характер приводит к семейному разладу, к конфликтам.

Образ Катерины Петровны не статичен, постоянно развивается, сама бабушка постепенно начинает восприниматься как мученица, праведница, умудренная жизнью, как носительница крестьянских представлений о жизни. Она стоит в центре крестьянского мира. Образ бабушки Катерины Петровны, являющийся продолжением мощной фольклорной традиции, вырастет до образа-символа России, нации.

Другим главным героем является Витя Потылицын. Черты характера Вити в полной мере раскрываются в 28 из 32 рассказов, исключая рассказы «Мальчик в белой рубахе», где его нет, и «Ангел-хранитель», «Кончина», «Вечерние раздумья», где образ Вити находится на периферии повествования и играет незначительную роль. В автобиографической книге «Последний поклон» писатель прослеживает историю формирования личности главного героя Вити Потылицына: от раннего детства, до подросткового возраста и юности. Личная биография писателя лежит в основе всей книги.

Образ Вити раскрывается во взаимоотношениях с окружающими его людьми, прежде всего с бабушкой, в его отношении к природе и родной земле. Благодаря окружающим людям, мальчик-сирота нашел свое место в крестьянском мире.

Витя также занимает центральное место в персонажной системе «Последнего поклона», все остальные персонажи повести так или иначе связаны с ним, будь они

деревенские, городские или фронтовые. Он прошел большой жизненный путь – с раннего детства до войны и послевоенной жизни. Это целая история духовного формирования главного героя Вити Потылицына. Этот путь и является частью народной жизни.

В автобиографической повести в рассказах «Последний поклон» повествование ведется от первого лица. Характеризуя образ главного героя Вити, нельзя не учитывать непосредственно связанный с ним специфический образ «я-повествователя», в автобиографической повести являющийся его непосредственным продолжением.

По мнению Н.А. Николиной, «в текстах автобиографических произведений возникает временная перспектива, актуализируется сопоставление двух временных планов по принципу “теперь – тогда”»: Я пишу о себе в прошлом и настоящем... Мысль моя живет не только в прошлом (как память), но и в настоящем (как сознание себя во времени). Будущего может не быть вовсе, или может быть оно кратковременно, схематично и фрагментарно»¹. Эти два субъекта Я₁ (Витя Потылицын в прошлом, в детстве) и Я₂ (взрослый автор Виктор Астафьев, в настоящем) представляют собой нерасторжимое единство. На пути от Я₁ к Я₂ происходит духовная эволюция персонажа, в автобиографической прозе о детстве герой и автор слиты воедино. Но Витя Потылицын в «Последнем поклоне» изображен в «деяниях», в поступках, в общении с окружающими. Его же двойник, Виктор Астафьев – человек, думающий, чувствующий – сосредоточен в значительной степени на осмыслении жизни вообще и Овсянки 1980–1990 годов в частности, с небольшими экскурсами в прошлое; на своем внутреннем мире, своих переживаниях и размышлениях (своеобразное «осознание себя во времени»). Чувства эти и мысли претерпевают серьезные изменения в 1990-е годы во втором периоде творчества писателя.

В комментариях к «Последнему поклону» он писал: «Не вдруг, не сразу, но понял я, что чего-то в “Поклоне” не договорил, “перекосил” книгу в сторону благодушия, и получилась она несколько умильной, хотя я к этому сознательно и не стремился, а все же жизнь пообтесал, острые углы пообпиливал, чтобы дорогие читатели, советские, прежде всего, за них штанами не цеплялись и колени не ушибали. А ведь жизнь-то тридцатых годов не из одних веселых детских игрушек и затейливых игр состояла, в том числе и моя жизнь и жизнь близких мне людей. Продолжались раздумья, воспоминанья, продолжалась во мне книга. <...> Книга ушла из детства дальше, в жизнь, и двигалась вместе с нею, с жизнью»². Осознав это, Астафьев начинает «ужесточать» ранее написанное, например, «Пастуха и пастушку» с этой целью переписывал несколько раз, сгущая краски. То же происходит с отдельными главами «Последнего поклона». Например, в рассказ «Фотография, на которой меня нет», он добавил 5 страниц о коллективизации, раскулачивании, при этом многое повторил из того, что было написано четко и определенно еще в 1970-е годы в рассказе «Бурундук на кресте», где казалось бы уже был подведен итог. И хотя у писателя было хорошее

¹ Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы: Учеб. пособие. – М., 2002. – С. 392.

² Астафьев В. П. Последний поклон: повесть в рассказах. Комментарии (авторские) – М., 2010. – С. 795.

намерение – «не хочется пятнать эту заветную книгу дерьмом, не для этого она затевалась» («Вечерние раздумья»)¹, – тем не менее обличительный тон его некоторых раздумий в воспоминании все же перекошил книгу уже в противоположную сторону и оказался в противоречии с тем пафосом Крестьянской Вселенной, который присутствовал в рассказах «Последнего поклона», написанных в 1960–1980-е годы. Изменения взглядов писателя на мир в последние годы ярко проявляются в его словах, написанных им перед смертью и обращенных к жене – М.С. Корякиной, детям и внукам:

*«Я пришел в мир добрый,
родной и любил его безмерно.
Ухожу из мира чужого,
злобного, порочного.
Мне нечего сказать вам
на прощание»².*

Описав многочисленные факты деградации сегодняшней деревни и усилив рассказ о бедах ее в период коллективизации, писатель тем не менее не закончил трехкнижную повесть на апокалиптической ноте: «Вот на вере в чудо, способное затушить пожар, успокоить мертвых во гробе и обнадежить живых, я и закончу эту книгу, сказав в заключение от имени своего и вашего.

Боже праведный, подаривший нам этот мир и жизнь нашу, спаси и сохрани нас!» (791). Такими словами в форме традиционного для автобиографической прозы финального «обращения к читателю» автор заключил повествование.

§2. Семья как собирательный герой. Роль второстепенных персонажей в ее изображении

В повести в рассказах «Последний поклон» наряду с художественно убедительными главными героями, многочисленными второстепенными и эпизодическими персонажами существуют собирательные образы трех крестьянских семей (Потылицыных, Астафьевых, Левонтьевских) и коллективный образ крестьянского мира в целом (Крестьянской Вселенной), которые создаются в первую очередь многоликим человеческим миром (около 150 человек), живущим по своим сложившимся в течение столетий нравственным, христианским законам, обычаям, выработавшим свои правила жизни, трудясь на земле, в тяжелых условиях близости к сибирской природе.

В центре повествования в «Последнем поклоне» – крестьянский мир сибирской деревни Овсянка, родной деревни Астафьева, плюс небольшие выходы во внешний мир, в той мере, в какой крестьянам приходится с ним сталкиваться (Игарка, Красноярск, география войны). Первым многовековым устойчивым механизмом социальной связи людей деревни является семья. Понимая, что в рыхлой прозаической структуре,

¹ Астафьев В. П. Последний поклон: повесть в рассказах. – М., 2010. – С. 753. Далее цитаты из текста даются по этому изданию с указанием в скобках названий рассказов и страниц.

² См.: Курбатов В.Я. Первые часы: [Электронный ресурс] // День и ночь. – 2002. – № 3–4. <<http://www.krasdin.ru/2002-3-4/s047.htm>>

состоящей из рассказов, первостепенную роль в лабиринте связей различных компонентов текста играют сцепления персонажей, В. Астафьев использует многократно испытанный Л. Толстым принцип соотношения характеров по контрасту, противопоставление дворянских семей. У В. Астафьева – это антитеза характеров и противопоставление двух крестьянских семей: Потылицыных (трудового рода бабушки Катерины) и гулевого бесшабашного рода деда, отца Мазовых (Астафьевых). Но главный собирательный герой книги – семья Потылицыных, которая с одной стороны связана с соседями – «левонтьевскими» – по принципу сопоставления, а с другой – с семьей отца Вити по принципу антитезы (противопоставления).

Семьи Потылицыных и Астафьевых полярны по своему нравственному и жизненному потенциалу и занимают естественно разное место в крестьянском мире.

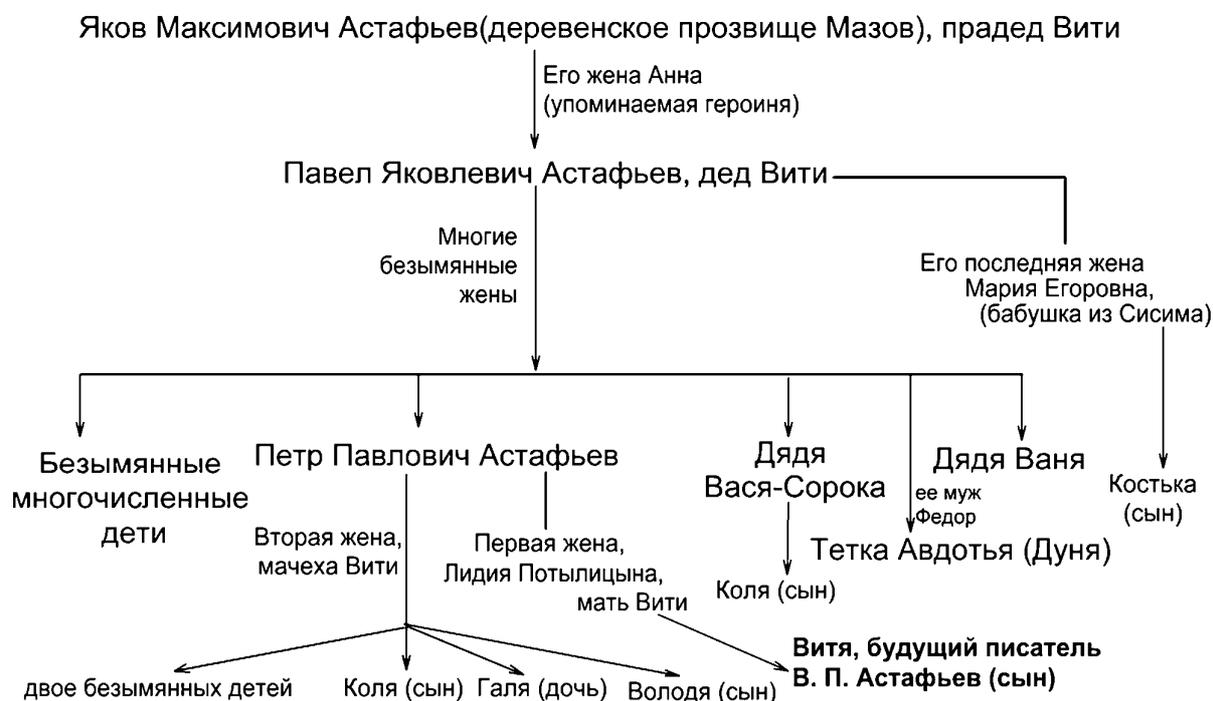
Центром персонажной системы «Последнего поклона» является семья Потылицыных как носительница нравственных ценностей, менталитета сибирской деревни, хранительница ее устоев (о ней идет речь в 25 рассказах из 32). В собирательном образе Потылицыных отражен в основном лад, положительные начала крестьянской жизни, тогда как Астафьевы вносят в деревенскую жизнь разлад, разрушают устоявшиеся основы деревни, что проявляется в нелюбви к постоянному ежедневному крестьянскому труду, в полной безответственности по отношению к своим детям, внукам, к людям вообще, ко всему живому. Даже скотина у них непутевая подбиралась ради показухи: «Так и кони-то в хозяйстве держались по присловию: узда наборна, лошадь задорна. Серый, как собака, грыз напропалую всех, ходил только под вьюками по тайге, на пашне или в обозе его отродясь никто не видел, он и в стойло-то к себе одного моего папу пускал, и то лишь пьяного. <...> И коровы фокусные. Про одну из них, Чалуху, разговор ходил, будто способна она надоить сразу три ведра молока. Барственно-осанистая, гладкая, холеная Чалуха от стада держалась наврозь, гонялась за пастухом, норвя его забодать, доить себя вовсе не позволяла, зато сена съедала на раз по копне!» («Бурундук на кресте», 316).

В «Последнем поклоне», состоящем из трех книг, семья Астафьевых фигурирует лишь в 5 рассказах («Бурундук на кресте», «Карасиная погибель», «Без приюта», «Сорока», «Забубенная головушка»). В первой книге повести, где речь идет в основном о ладе крестьянской жизни, персонажи этой семьи не действуют и появляются лишь в конце второй и в третьей книг.

По-разному выглядят обе семьи и в структурном отношении. Действующие лица семьи Астафьевых относятся к числу второстепенных или эпизодических героев. Более того, на переднем плане в персонажной системе рода Астафьевых находятся мужчины: 1) прадед, построивший собственную мельницу в селе Овсянка и раскулаченный в 1931 году Яков Максимович Астафьев; 2) дед Павел Яковлевич; 3) отец писателя Петр Павлович; 4) дядя Василий Павлович по прозвищу Сорока. И это неслучайно, ибо жизнь и быт этой семьи (постоянное пьянство, кураж, веселье) не совместимы ни с женским, ни с детским началом.

В ходе анализа «Последнего поклона» важно выстроить персонажную структуру семьи Астафьевых, чтобы удержать в поле зрения ее состав:

Структура семьи Астафьевых

В этой семье во втором и третьем поколениях рождалось достаточное количество детей, судьбы которых и должны бы ответить на вопрос о смысле существования этой семьи. Попытаемся рассмотреть «собираемый образ детей» семьи Астафьевых. Бабушка из Сисима (последняя молодая жена деда Павла, почти ровесница его сына и невестки) поначалу не знала, что у ее мужа Павла много детей: он скрыл это во время сватовства. И она вынуждена была смириться со своей долей. А после того, как семью раскулачили и выслали в Заполярье в Игарку, большинство этих детей погибли. Остались в живых только двое из этих детей (Вася, Ваня) да Костыка (единственный общий сын деда и бабушки из Сисима).

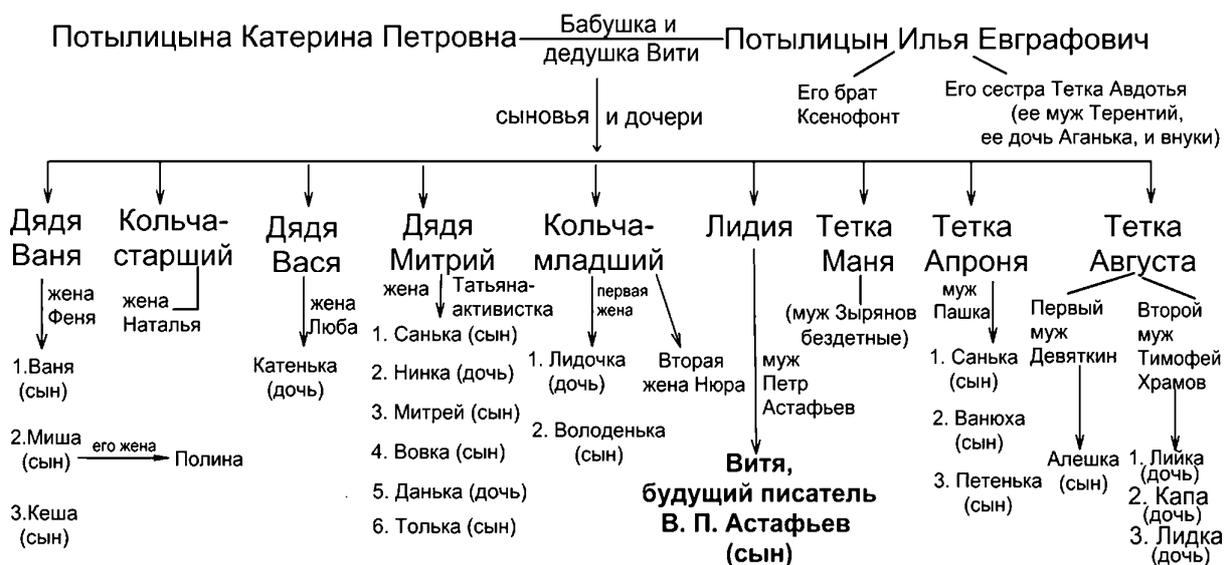
Полная противоположность Астафьевым – семья Потылицыных – краеугольный камень Крестьянской Вселенной. Дети бабушки Катерины Петровны – их десятеро¹ и все выросли – 9 из них занимают разное место в художественной ткани повести. При этом на первом плане здесь уже не мужчины, а женщины, судьбы которым выпали нелегкие: 1) бабушка Катерина Петровна – главная опора семьи; 2) тетка Августа; 3) тетка Мария; 4) Лидия, мать Вити, и т.д.

В этой семье осваиваются лучшие крестьянские традиции, навыки труда передавались из поколения в поколение. Бабушка с гордостью заявляет: «Придурков и ветрогонов у нас в семье отродясь не водилось» («Бурундук на кресте», 315). Честным

¹ В тексте «Последнего поклона» обнаруживается неточность. По словам бабушки, она «своих десятерых подняла» («Монах в новых штанах», 75), а позднее одна из ее дочерей Августа незадолго до смерти говорит, что мать Катерина Петровна «вырастила дюжину нас» («Вечерние раздумья», 778). Однако в самом тексте упомянуты только 9 детей бабушки.

трудом живут едва ли не все ее сыновья и дочери. СобираТЕЛЬНЫЙ образ семьи раскрывается преимущественно через языковые средства и авторские оценки. Абсолютное большинство семьи Потылицыных одарены умением петь, знают песни, пословицы, в совершенстве владеют ярким, метафорическим, выразительным народным словом.

Структура семьи Потылицыных

Но противопоставление двух семей в «Последнем поклоне» не является жестким и категоричным. Возможно, это особенность антитезы в системе семейных отношений. Будучи уже взрослым писателем, автор, вспоминая прошлую жизнь, «художества» собственного отца (пропивал деньги, ружье, оставляя детей без куска хлеба), прощает ему все.

В «Последнем поклоне» кроме вышеуказанных двух семей изображена еще семья дяди Левонтия (соседа бабушки), полнее всего образ этой семьи раскрывается в рассказах «Конь с розовой гривой», «Монах в новых штанах», «Осенние грусти и радости», «Где-то гремит война». Семья дяди Левонтия представлена в повести по принципу сопоставления с семьей Потылицыных. На первый взгляд она напоминает семью Мазовых (Астафьевых). Но это не так. В Крестьянской Вселенной нет места семье Мазовых, которая живет как будто отдельно от крестьянского мира и фактически несовместима с ним. Тогда как семья дяди Левонтия при всех недостатках вписана в Крестьянскую Вселенную. Образ семьи дяди Левонтия убеждает в том, что трудящийся человек, занятый полезным для общества делом – не безнадежен, жизнь и окружающие люди способны его перевоспитать. И в Крестьянской вселенной это постоянно происходит.

Под второстепенными понимаются те персонажи повести, которые действуют, как правило, в 2-3 рассказах. Автор не ставит задачу их всестороннего изображения, но при этом второстепенные герои часто вступают в прямые контакты с главными героями и постоянно их окружают, поэтому они могут играть значительную роль в раскрытии

главных героев, оттеняя различные свойства их характера. Второстепенные герои занимают важное место и в системе персонажей, и в раскрытии собирательных образов семьи, и Крестьянской Вселенной в целом. В тексте они связаны, как правило, семейными связями, дружескими, трудовыми, просто бытовыми отношениями.

§3. Крестьянская Вселенная – обобщающий собирательный образ крестьянского мира

Здесь рассматривается крестьянский мир как целое (Крестьянская Вселенная) – крупнейший собирательный образ и роль эпизодических или просто упоминаемых¹ персонажей в изображении Крестьянской Вселенной.

В «Последнем поклоне» дан эпический образ Крестьянской Вселенной, которая живет и управляется по давним, проверенным жизнью нравственным законам, и выживает несмотря на те испытания, которые выпали на ее долю в 1930-е годы, в Великую Отечественную войну. В повести отображена панорама крестьянской жизни деревни Овсянки, ее хозяйственно-трудовые, общественно-семейные, и нравственно-эстетические устои, «своеобразная летопись» сибирской деревни 1930-1980-х годов. Здесь автор показал крестьянскую жизнь «во всем многообразии ее бытия, в ее движении сквозь время, во всей сложности переплетения самых разных человеческих судеб и характеров»². Крестьянская Вселенная в «Последнем поклоне» изображается как крупнейший собирательный образ. Она имеет общечеловеческое и конкретно-историческое измерение: свои привычки и знания, свое сообщество людей, свои координаты, свои законы устройства, свою взаимозависимость движения и устойчивости, сохранности и единства, в основе которых лежат: связи человека с человеком, обществом в целом, государством, человечеством; с землей, с природой; особое отношение к труду, к семье, к детям, к традициям, ко всему, что называется «малой родиной». Крестьянская Вселенная в повести В. Астафьева – это многоликое сообщество людей, имеющих разные трудовые навыки, умения, знания, характеры, темпераменты; здесь свои особые игры у детей, своя особая культура, пронизывающая их жизнь, труд и отдых. Это все образует единую жизненную среду, именно многообразие, а не «монотонность» обеспечивает жизнеспособность этой среды и динамику ее развития.

Большую роль в изображении Крестьянской Вселенной играют массовые сцены, которые в основном присутствуют в следующих рассказах: «Осенние грусти и радости», «Бабушкин праздник», «Гори, гори ясно» и «Предчувствие ледохода».

Кроме главных и второстепенных героев, которые несут основную смысловую нагрузку в «Последнем поклоне», суть Крестьянской Вселенной еще составляют персонажи, не задействованные в выше названной структурной связи трех семей. Они как бы выпадают из плотно спаянной системы и появляются в тексте редко, однажды или в одном эпизоде. По мнению М.Л. Гаспарова, «среди образов и мотивов

¹ В.П. Астафьев иногда просто упоминает имена, фамилии крестьян, не включенных в действие (их слишком много для этого!). Он хочет сохранить распространенные фамилии крестьян в памяти потомков, их внуков, чтобы они могли почувствовать связь поколений, услышать голос своего рода, семьи из прошлого.

² Сурганов В.С. Человек на земле. – М., 1981. – С. 509.

художественного произведения различаются структурные, органически входящие в сюжетную схему, и свободные, непосредственно с ней не связанные: если изъять из произведения структурный мотив, разрушится весь сюжет, если изъять свободный мотив, то произведение сохранит стройность и смысл, но станет бледнее и беднее¹. «Свободными» в «Последнем поклоне» являются, как правило, эпизодические и упоминаемые персонажи, которые действительно делают картину крестьянского мира более многомерной.

Крестьянская Вселенная Астафьева – это еще и своеобразное языковое пространство. Здесь писатель широко употребляет лексику, имеющую ограниченную сферу использования – диалектные слова жителей Сибири. Как правило, диалектизмы используются для речевой характеристики жителей окраин, для создания «местного колорита». Речевая структура «Последнего поклона» отличается «стихийной пестротой» языка.

Крестьянская Вселенная в «Последнем поклоне» является самобытной, самоорганизующейся и открытой системой. Но В. Астафьев сознает, что дорогая его сердцу Крестьянская Вселенная к концу XX века постепенно разрушается, уходит в небытие. Колхоз здесь давно прекратил свое существование. В Овсянке всегда не хватало пахотных земель, а после войны и эти немногие земли оказались у дачников. А в самой, по сути пригородной деревне умирают последние старухи (рассказ «Кончина»). О гибели Крестьянской Вселенной с болью говорил еще в 1976 году Ф. Абрамов в выступлении на Шестом съезде советских писателей: «старая деревня с ее тысячелетней историей уходит сегодня в небытие <...> А это значит – рушатся вековые устои, исчезает та многовековая почва, на которой всколосилась вся наша национальная культура: ее этика и эстетика, ее фольклор и литература, ее чудо – язык. <...> Деревня – наши истоки, наши корни. Деревня – материнское лоно, где зарождался и складывался наш национальный характер»². С горечью и В. Астафьев говорит о смерти деревни, о том, что о ней скоро забудут все: «какую же память оставляет за собой мое родное село? Чего и кого оно помнит? Никого и ничего, кроме близкого горя, оно не ведает. В поссовете нет ни летописи, ни документов, ни метрик, ни бумаг о том, откуда село взялось, кто и как основал его, почему так назвал» («Вечерние раздумья», 770). Эту историческую задачу – сохранить в истории народа память о Крестьянской Вселенной выполнил В.П. Астафьев своей самой любимой и заветной книгой «Последний поклон». Эту задачу решала вся деревенская проза второй половины XX века в лице Ф. Абрамова, В. Белова, В. Распутина и других писателей.

В заключении подводятся итоги исследования.

Особая ценность «Последнего поклона» состоит в том, что он написан в жанре автобиографической прозы о детстве, «рождении» писателя, где собственная жизнь художника, которую он воссоздает, «открыта ему сполна» и только ему одному. В данном случае у писателя есть возможность раскрыть людям всю глубину своей

¹ Гаспаров М.Л. Античная литературная басня. Федр и Бабрий. – М., 1971. – С. 83.

² Шестой съезд писателей СССР, 21 июня – 25 июня 1976 г. Стенограф. отчет. – М., 1978. – С. 574.

индивидуальности, если он искренне того пожелает, ощутив себя достойным представителем своего поколения, имея к этому талант, призвание, дар объективной самооценки и способность реального понимания окружающей жизни. По таким книгам, как «Последний поклон», потомки будут изучать труды и дни крестьянства в XX веке.

От своих непосредственных предшественников в жанре автобиографической прозы о детстве писателя – Л. Толстого и М. Горького – В. Астафьев наследует трехчастную структуру (детство – отрочество – юность) и саму тему рождения, становления писателя, но уже не в дворянском сословии и не в городской среде, а в *крестьянском мире*, тесно связанном с природой, землей, включенном в круговорот природной жизни, а следовательно имеющем свой особый менталитет. В этом новизна книги «Последний поклон».

Для реализации художественного замысла автор находит новую большую жанровую форму – автобиографическую романическую повесть в рассказах. Традиционный для русской литературы XIX и XX веков жанр повести Астафьев трансформирует в соответствии с особенностями художественного дарования. Своеобразие астафьевской модифицированной автобиографической романической повести в рассказах состоит в том, что ее жанровое содержание автор обогащает за счет романа, а структуру – выстраивает, опираясь на жанровые возможности; и при этом жанр «Последнего поклона» остается повестью, но новаторской, ибо повесть в рассказах В. Астафьева имеет и сущностные внутрижанровые отличия: громадный объем (около 800 страниц текста) и 32 разнообразных по форме рассказа, этого, как правило, не бывает в традиционной повести в рассказах. То есть В. Астафьев создает сложный вариант интергративного жанрового образования, максимально отвечающий писательскому замыслу и его творческим предпочтениям, что является открытием писателя.

Сложная задача преодоления фрагментарности астафьевской романической повести в рассказах решается за счет эффективной системы персонажных связей. Художественную целостность «Последнего поклона» обеспечивает сложная персонажная система (своеобразная структура из трех семей), соединенная по принципам антитезы и сопоставления, усиленная наличием в повести двух главных сквозных героев – бабушки Катерины Петровны и внука Вити, которые изображены в развитии, взаимодействуют между собой и окружающим миром.

Все персонажи повести – главные и второстепенные, объединенные семейными связями и свободные от них, имеющие иные связи с людьми (социальные, бытовые, товарищеские, случайные, хозяйственные и др.) – создают единый обобщающий, собирательный образ крестьянского мира (Крестьянская Вселенная), который и придает повести «Последний поклон» эпическое звучание.

Невероятной популярности «Последнему поклону» в наибольшей степени способствует ни с кем не сравнимое астафьевское слово, удивительная изобразительная сила, открытие неповторимых сибирских характеров, создание яркого образа крестьянского мира (Крестьянской Вселенной) в целом.

П.А. Гончаров, автор первой докторской диссертации, посвященной творчеству писателя, утверждает: «Астафьев оставил после себя неповторимый и сложный художественный мир, *целостное* и *детальное* исследование которого находится, несмотря на наличие целого ряда глубоких и серьезных работ, в самом начале своего трудного пути»¹.

Данная работа именно нацелена на целостное и детальное изучение текста «Последнего поклона» под углом зрения его истории создания, жанра и системы персонажей.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях:

1. **«Последний поклон» В.П. Астафьева: История создания. Жанр // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2011. №4. С. 155–162.**
2. **«Последний поклон» В.П. Астафьева: Система персонажей // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2011. №3. С. 109–115.**
3. **Крестьянская Вселенная в повести в рассказах «Последний поклон» В.П. Астафьева // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2012. № 1.**
4. **Читаю студентам «Последний поклон». Из записок китайского русиста // Региональный литературно-художественный альманах «Затесь». Красноярск. 2011. №1. С. 39–41.**
5. **Язык как средство изображения человека в «Последнем поклоне» (Книга 1) В.П. Астафьева // Материалы IV Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». 20–23 марта 2010 г. М., 2010. С. 734–735.**
6. **Восприятие и интерпретация повести в рассказах «Последний поклон» В.П. Астафьева в аудитории китайских студентов // Материалы V Международной научно-практической конференции «Текст: Проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного». 24–26 ноября 2011 г. М., 2011. С. 311–313.**
7. **«Солдатский» роман и правда войны // Вопросы литературы. 2011. №6. С. 487–495.**

¹ *Гончаров П.А.* Творчество В.П. Астафьева в контексте русской прозы 1950–1990-х годов. – М., 2003. – С. 383.